

Под маской чеченца

Беслан Бугаев

Беслан Бугаев

Под маской Чеченца

<https://litres.ru/74652933>

SelfPub; 2026

Аннотация

Три границы. Белорусско-литовская. Литовско-польская. Польско-немецкая. Колочая проволока, через которую приходится прыгать, на ходу придумывая «трамплин». Поезд, с которого нужно спрыгнуть, не дожидаясь остановки. Лазейки, которых не существует, пока не изобретёшь их сам.

Но самая опасная граница лежит внутри. Что делает с человеком страх? Как рождается травма и как из неё вырастает собственный «криминальный авторитет»? Что остаётся после, когда побег закончен, а прошлое всё ещё идёт следом?

Спустя двадцать лет автор возвращается в те годы без прикрас. Эта книга о выживании, о цене свободы и о долгом пути к исцелению.

Это не вымысел. Это правда, которую он нёс в себе два десятилетия.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Беслан Бугаев

Под маской Чеченца

Глава

ПОД МАСКОЙ ЧЕЧЕНЦА

Беслан Бугаев

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог

От автора

Часть I. Казахстан

Глава 1. На полном ходу

Глава 2. Тени в подъезде

Глава 3. Слежка

Глава 4. Стычки с ментами

Глава 5. Неизбежность

Глава 6. День первый. ИВС

Глава 7. Апти и Юша

Глава 8. А как бился Умар

Глава 9. Липовое дело

Глава 10. Тюрьма

Глава 11. Камера

Глава 12. Провокации

Глава 13. Прогулка

Глава 14. Позднее осознание: Образ и рабство

Глава 15. Пахан ищет контакт

Глава 16. Сострадание

Глава 17. Жизнь мудрее

Глава 18. Суд

Глава 19. Родители — Герои

Глава 20. Цветные фантики

Глава 21. Беженцы

Глава 22. Друзья и стычки

Глава 23. Умар и Арби

Глава 24. Арби заговорил на Блатном

Глава 25. Алмат

Часть II. Дорога

Глава 26. Я еду в Германию

Глава 27. Беларусь

Глава 28. План

Глава 29. Унижение

Глава 30. Прыжок

Глава 31. Польское консульство

Глава 32. Феникс

Глава 33. Сделай или умри

Глава 34. Первые люди

Глава 35. Ловушка

Глава 36. Выход вслепую

Глава 37. Литва

Глава 38. По ту сторону

Глава 39. Опушка перед границей

Глава 40. Первое утро в Польше

Глава 41. стакан воды

Глава 42. Озеро

Глава 43. Тяжело быть чеченцем

Глава 44. Варшава

Глава 45. Выбор

Глава 46. Последняя граница

ПРОЛОГ

Жизнь любого человека это одно большое приключение. Но в ней бывают моменты, которые навсегда врезаются в память. Моменты, когда ты совершаешь что-то безрассудное, смелое, порой невозможное, и вдруг понимаешь: «Я сделал это. Это было по-настоящему».

Я давно хотел рассказать эту историю. Писал, бросал, снова возвращался к ней, и снова откладывал. Потому что тогда, сразу после всего произошедшего, я был другим. Молодым. Грубым. Обожжённым жизнью и ещё не до конца понимающим, что именно со мной случилось.

Сейчас, спустя годы, многое изменилось. Изменился и я. Я понял, что эта история не просто про границы и страх. Она про меня. Про то, как я менялся, падал и вставал. Про то, как шёл через невозможное просто потому, что иначе не умел.

Я хочу рассказать не только о том, как без загранпаспорта

пересекал три границы, держа в руках лишь клочок бумажной карты. Мне важно рассказать и о том, что происходило внутри меня. Что мной двигало. Почему я не повернул назад, даже тогда, когда всё внутри кричало: «Хватит».

Это моя история. Но, может быть, в ней кто-то узнает и себя.

Потому что, когда у человека есть мечта, он идёт. Сквозь страх, сомнение, усталость. И иногда вдруг обнаруживает, что граница между невозможным и возможным была не там, где он её видел.

Я пишу это не ради похвалы и не ради признания. Мне важно вспомнить, понять и соединить всё воедино. Это мой способ вернуться к прошлому и посмотреть на него уже из другой точки.

И моя благодарность всем, кто оказался рядом на этом пути: друзьям и врагам, проводнице, которая, возможно, спасла мне жизнь, электрику, который помог, таксисту, который приютил и поддержал.

И отдельная, бесконечно глубокая благодарность, моим родителям.

ОТ АВТОРА

Когда я только собирался писать эту книгу, у меня была простая идея, рассказать о своём пути в Германию. Обо всех хитростях, лазейках, ночных переходах, о трёх границах, которые я пересекал без загранпаспорта. Мне казалось,

что этого достаточно: экшн, риск, импровизация, уличная смекалка, разве не из этого строятся приключенческие истории?

Но очень быстро я понял: само по себе это путешествие всего лишь месяц моей жизни. А за этим месяцем тянется целая внутренняя вселенная.

Пока я писал, будто бы поднялся занавес, и начали выходить другие части меня. Те, что были забыты, вытеснены, заперты в дальних углах сознания. Появлялись голоса не только героя, но и униженного, стыдящегося, злого, испуганного, гордого, молчащего, кричащего.

Писать эту книгу оказалось не столько путешествием по Европе, сколько путешествием внутрь себя. Я словно вытаскивал одну за другой те части, которые когда-то пришлось от себя отделить, чтобы выжить, чтобы не сойти с ума, чтобы казаться сильным.

Сегодня, когда я заканчиваю эту книгу, я живу на райском острове Бали.

Тот человек, который проходил все эти испытания, и хорошие, и страшные, во мне всё ещё есть. Но я уже не тот, кем был тогда. Прошли годы, прошли десятилетия, и жизнь сильно изменила меня. Изменила моё отношение к себе, к людям, к самому смыслу жизни.

Я оставляю за читателем полное право воспринимать героя этой книги как угодно. Кто-то увидит в нём положительное, кто-то, тёмное, спорное, резкое. Его можно судить, мож-

но критиковать. Кому-то он понравится, кому-то, нет.

Но я скажу лишь одно: у меня к нему, принятие, любовь и уважение.

Период, когда я осуждал себя и ненавидел, когда прятал голову в песок,, уже позади.

Позади и необходимость оправдывать себя.

Сегодня это просто рассказ.

Без ненависти. Без самооправданий. Без осуждения.

С пониманием того, что всё это части одного пути. Моего пути.

Поэтому здесь нет одного голоса.

Здесь говорят все мои «я», униженные и восставшие, потерянные и нашедшие дорогу, испуганные и решительные, те, которые молчали, и те, которые кричали.

И, может быть, именно в этом и есть одна из самых простых истин о человеке:

он никогда не состоит из одного «я».

Внутри него всегда, целый хор.

Часть I

Казахстан

Глава 1. На полном ходу

Испытывали ли вы когда-нибудь такую решимость, что даже осознание собственной гибели не смогло бы вас остановить?

Не знаю, как у вас. Со мной это случилось однажды.

Но не потому, что прежде я уже трижды отступал. Совсем нет. Просто наступает момент, когда внутри что-то щёлкает — и назад дороги больше нет. Решимость действовать вдруг становится твёрже страха, сильнее здравого смысла, убедительнее инстинкта самосохранения.

Почему так происходит?

Наверное, потому, что в каждом из нас есть невидимая граница. Черта, за которой мы встречаем не смерть и не боль, а нечто куда более неотвратимое — потеря самоуважения.

Не перед другими. Перед собой.

Перед тем внутренним свидетелем, который всегда незримо присутствует при каждом нашем поступке. Перед молчаливым наблюдателем, живущим внутри нас. Перед всеми теми голосами, образами, друзьями в нашей голове, которые обычно молчат, но в решающие минуты выходят на первый план и ждут своей роли: кем им позволят быть сегодня — прокурорами, судьями или восторженной публикой.

Не знаю, как у вас, а мне всегда хотелось последнего.

Ради этого я был готов бежать от двух. Бежать куда угодно. Даже если единственный путь к свободе — прыгнуть с поезда на полном ходу.

Именно с таким намерением я в четвёртый раз забираюсь на поезд, идущий из Калининграда в Минск. Выхожу наружу. Прижимаюсь к холодному железному вагону.

Жду.

Жду, что где-нибудь он всё-таки сбросит немного скорость, чтобы можно было прыгнуть и не разбиться. В тот момент я не знал, что поезд, следующий через Литву, не имеет права снижать скорость ниже восьмидесяти километров в час.

Это незнание гоняет меня по кругу: Калининград — Минск — Калининград.

Уже в четвёртый раз я еду снаружи вагона, вцепившись в холодные поручни и надеясь на невозможное.

Я просто жду шанс.

Возможно, именно это упрямство — или безрассудство, если называть вещи честно, — в тот момент взволновало саму Вселенную.

Я впервые ощутил её вибрацию, словно она посмотрела на меня.

В следующую секунду произошло то, что я до сих пор не нахожу этому разумного объяснения. Это не было случайностью или совпадением. Я не могу объяснить это логически.

Можно сказать, что это была помощь высших сил. Будто мир на мгновение сжалился надо мной и, нарушив собственные правила, слегка сдвинул декорации реальности.

Ровно настолько, чтобы я выжил.

Но прежде чем рассказать, что именно случилось в ту минуту, мне придётся вернуться назад.

Туда, где всё началось. Потому что эта история — не просто о риске. Она о страхе. О свободе. О бегстве. И о том, что

иногда, чтобы стать собой, человеку нужно сделать шаг, на который он сам никогда бы до этого не решился.

Глава 2. Тени в подъезде

Примерно за полгода до этого я словно оказался внутри мрачного триллера.

Было начало зимы. Снег лежал плотным серым слоем. Мороз ещё не был по-настоящему крепким, но задерживаться на улице уже не хотелось. Я возвращался домой после самого обычного дня — такого, который стирается из памяти сразу после того, как заканчивается.

Всё было как всегда.

Я шёл мимо дворов и одинаковых пятиэтажек. Один и тот же фасад из серой крошки, одни и те же бетонные плиты, одинаковые металлические двери. Целый микрорайон, собранный по одному шаблону. Дома стояли рядами.

К своему дому я подошел с торца и прошел мимо последнего подъезда. Мой был следующим, предпоследним. Слева стоял детский сад, из крыши которого поднимался пар, но внутри было темно и пусто. Справа — то, что осталось от лавочки: одна железная опора, вросшая в старый бетон.

Перед входом в подъезд видны остатки ступеньки. Дверь старая, деревянная, обитая железом. Открывается она тяжело и со скрипом. Мощная ресорная пружина прижимает её назад, не давая холоду проникнуть в подъезд. Зимы здесь бывают суровые. Иногда температура опускается до минус сорока, и двери тоже научились сопротивляться.

Я, как обычно, почти вбежал в подъезд, вырвавшись из плена холода.

Внутри было темно — темнее, чем обычно. Я сразу заметил, что пропали лампочки.

Поднявшись на первый этаж, я почувствовал: что-то не так.

Меня охватило странное ощущение, будто я стал больше и чувствую пространство подъезда целиком — от первого до пятого этажа. Словно кожей я ощущал все стены.

И в этом пространстве чувствовалось присутствие чужака.

В теле стало нарастать какое-то напряжение. Как будто съел что-то нехорошее, а организм ещё не решил — принять это или отвергнуть.

На втором этаже я почувствовал запах сигарет.

Плохой знак.

В нашем подъезде никто не курил. Это было негласным правилом. Тем более, что на моем этаже жил ворчливый и придиричивый старик, хотя и справедливый. Он быстро пресек бы такое.

Значит, кто-то чужой. Кто-то, кто не знает правил или знает и плевать хотел.

Подойдя к своей двери, я всё сильнее ощущал: выше кто-то есть. Кто — не знаю.

Я решил отмахнуться от этих мыслей и ощущений, зашел домой и ничего никому не сказал о своих наблюдениях. Про-

сто отметил про себя.

Через пару дней все повторилось.

В этот раз я возвращался домой, когда еще не стемнело. Захожу в подъезд — опять запах сигарет. Кто-то явно обосновался здесь.

Поднимаюсь выше и ловлю на себе чей-то взгляд. Едва уловимый. Сквозь щели между лестничными пролётами.

Поднимаю голову — никого не видно. Но там кто-то шевельнулся. Не показалось. Он двигался осторожно, но зимняя одежда помешала ему остаться незаметным.

И снова я сделал вид, что ничего не происходит. Но тревога уже поселилась во мне.

Тем же вечером я снова оказался в подъезде. Теперь там было ещё темнее и неуютнее. Исчезло то домашнее спокойствие и чувство безопасности, которые я всегда ощущал дома.

Раньше я входил сюда, как зверь возвращается в своё логово после долгого дня. Теперь здесь был чужак.

Я поднимался по лестнице. Обшарпанные стены, когда-то синие до половины, теперь облезлые. Царапины, надписи, грязь. В этом полумраке всё казалось мёртвым.

Первая дверь. Вторая. Электрощиток. Ещё дверь. Лестничный поворот.

И снова это чувство.

Кто-то наверху.

Теперь уже ясно: совпадений столько не бывает.

Надо проверить.

Решение было принято, и сердце сразу ускорило ход. А вдруг это по мою душу? Если он пришел за мной, то кто он? И что ему нужно?

Я сунул руку в карман. Нож был на месте. Он всегда был со мной. Быстро и беззвучно достал его и раскрыл, удерживая наготове.

Делаю вид, что иду домой, я между делом посмотрел наверх, в сторону следующего пролета.

Я чувствую его. Его дыхание. Его напряжение. Кто он?

На моём этаже ещё горел слабый свет. Наверное, отец помнил лампу: к нему приходили за спиртом — без света нельзя. А выше была темнота.

Я поднимался. Ступенька за ступенькой. Ноги тяжелели. Но я шел выше, чтобы узнать, кто там и зачем охотится за мной?

Я чувствовал: он слышит меня. Он знает, что я иду. Он тоже двигается.

Следующий пролёт — и часть меня хотела развернуться и бежать вниз. Было до дрожи страшно. И опять эти вопросы: Кто он? Зачем? Побить? Убить?

Был период, когда меня действительно хотели убить. Но тем людям тогда объяснили, что этого делать не стоит. Тогда кто теперь?

Мысли становились все мрачнее.

Но отступать было поздно. Отступить значило признать

страх. А внутри меня всегда жил дух Чеченца, безжалостный к любому малодушию.

Как потом смотреть в глаза друзьям? Сказать, что почувствовал, кого-то наверху и не пошёл проверить? Что испугался?

Нет. Так поступить я не мог.

Эта мысль брала меня в плен. Теперь я обязан был идти дальше.

Я уже поднялся на третий этаж. Значит, он выше. На четвертом. Поднимался медленно. Не хотел туда идти, но самолюбие жгло сильнее страха. Будто друзья уже стояли за моей спиной и оценивали: кто я сейчас? Трус? Или тот, кем они меня считают?

Сквозь полумрак я увидел стул, подоконник, пепельницу. Значит, здесь кто-то сидел и выжидал.

Это был не жилец дома. Он был на задании.

Я поднялся ещё немного. Воздух стал густым, как вода. Больше не могу. Не готов.

Я остановился.

Внутри всё дрожало. Развернуться — стыдно. Идти дальше — страшно.

Я охотился на того, кто, возможно, охотится на меня, но я не знал, кто он. И не был готов встретиться с ним сейчас.

Я пытался найти в себе храбрость или повод отступить. А вдруг он не один? А вдруг у него оружие?

Может, это не трусость. Может, это интуиция мне подска-

зывает.

Но этого было мало.

Ну, давай. Работай. Подкинь мне любой довод не пойти туда. Хоть что-нибудь.

Тишина.

В голове — тишина.

И вдруг мысль: а если это полиция?

Допустим, я сейчас поднимусь и наброшусь на него — а это сотрудник?

Это может быть засада?!

Да. Вот оно.

Это могли быть не враги с улицы. Это могли быть менты. Устроили слежку.

Мысль-спасение.

Я ухватился за неё, резко развернулся, спустился вниз, зашёл домой и закрыл дверь.

И только тогда выдохнул.

В зале была вся семья: отец, мать, братишка, сестренка.

Я сказал:

— Как будто кто-то караулит сверху.

Мать покачала головой — ничего не замечала. Отец кивнул, возможно.

А братишка разу сказал:

— Это мент.

Ему было лет тринадцать. Разбойник до мозга костей. Уже тогда он собирал вокруг себя по сорок человек за раз разного

возраста. Он считал себя главным на районе.

По блеску его глаз я понял: он уверен, что следят за ним.

Мы с отцом начали обсуждать, кому могла понадобиться наша семья. То, что за нами наблюдают, уже почти не вызывало сомнений.

Вероятность, что следят за младшим, мала.

Отец с хитрой улыбкой спросил у матери:

— Ну, что ты натворила?

И засмеялся.

Мать отшутилась.

Сестрёнка вдруг сказала, что в шестом микрорайоне недавно убили двух полицейских.

Мы это знали. Там жили наши земляки, и эту историю уже обсуждали.

Но отец сразу посмотрел на меня и строго спросил:

— Ты где был в тот вечер?

Я уже знал ответ.

Дома меня тогда не было. Но у меня было алиби.

Как только услышал о случившемся, сразу восстановил в памяти весь вечер.

Сначала я был у подруги. Дома находились ее родители.

Потом, зашёл к соседу, меня видела вся семья.

После этого вернулся домой около девяти.

Промежуток, когда меня никто не видел — минуты три, не больше.

От их дома до нашего — метров триста. А место убийства

— за несколько километров.

За три минуты такое не сделать.

Отец кивнул.

Значит, переживать нечего.

Он всё же покосился на братишку:

— Может, ты?

И засмеялся.

Тот был дерзкий, конечно, но не настолько.

К тому же он был дома в тот день.

Это меня успокоило.

У меня было алиби. Были свидетели. Была защита.

И постепенно всё начало походить на шоу. Криминальный фильм.

Мне оставалось только наблюдать. И даже получать удовольствие от происходящего.

Теперь я был уверен: бояться мне нечего.

Чего я тогда не знал — это то, что иногда даже свидетели не спасают.

Глава 3. Слежка

На следующее утро я проснулся позже обычного и, не спеша, сделал свои привычные утренние ритуалы. Выпил чай, посидел немного и поймал себя на простой мысли: нужно выйти из дома. Не потому что были какие-то дела, просто хотелось проветриться, сменить обстановку, занять чем-то день. Работы тогда не было, и сама жизнь ощущалась как череда случайных событий, в которых каждый день мог при-

нести что угодно.

Подойдя к двери, я вдруг ясно вспомнил вчерашний вечер. Это ощущение — будто за мной наблюдают — никуда не делось. Уверенности по-прежнему не было: следят за мной или это лишь игра воображения. Но вероятность казалась достаточно высокой, чтобы захотелось это проверить.

Я открыл дверь, выглянул в подъезд, прислушался.

Все внутренние ощущения словно обострились. Я, как умел, «просканировал» пространство — прислушиваясь не столько к звукам, сколько к собственному внутреннему чувству. И снова возникло то же самое ощущение: наверху кто-то есть.

Это было трудно объяснить словами. Никаких прямых признаков, никаких звуков — только внутренняя уверенность, почти физическое знание.

Я закрыл дверь чуть громче обычного. Если за мной действительно наблюдают пусть знают, что я вышел.

Спустился вниз спокойно, не спеша, стараясь не выдать внутреннего напряжения. Вышел из подъезда и повернул налево.

На улице оказалось неожиданно тепло. Светило солнце, и на мгновение стало даже легко и спокойно. Но это ощущение быстро сменилось другим — сосредоточенным, внимательным. Мне нужно было понять: пойдет ли он за мной.

Я прошёл примерно сотню метров. Если это действительно слежка, человек уже должен был выйти следом.

Обернуться незаметно я не придумал как, поэтому действовал неловко: сделал вид, что с ботинком что-то не так, остановился, наклонился и, взясь со шнурком, попытался посмотреть назад.

Кто-то шел.

Я пригляделся, пытаюсь узнать знакомое лицо, но не узнал.

Мужчина лет тридцати, с короткой стрижкой, без шапки — что само по себе выглядело странно для такой погоды. Внешность самая обычная, ничем не примечательная. И именно это настораживало сильнее всего.

Мы жили на окраине города, и незнакомые лица здесь появлялись редко. Почти все так или иначе были знакомы или хотя бы узнаваемы.

А этого я не видел никогда.

Во что бы то ни стало решил его проверить. Резко свернул направо — туда, где ему делать было нечего: впереди заканчивались дома, дальше не было ни магазинов, ни проходных дворов.

Через несколько секунд снова оглянулся.

Он повернул следом.

Теперь сомнений почти не осталось.

Внутри поднималось странное состояние — не страх, а скорее нервное возбуждение, перемешанное с азартом. Ситуация казалась нереальной, как будто происходила не со мной, а с персонажем какого-то фильма.

Это чувство все больше захватывало.

Я поймал себя на том, что мне хочется не просто уйти, а разыграть эту ситуацию, довести её до какого-то результата.

План возник быстро.

Впереди был поворот направо. Если успеть зайти за него чуть раньше, чем преследователь, он на несколько секунд потеряет меня из виду. Этого времени должно было хватить, чтобы скрыться в ближайшем подъезде, подняться на второй этаж и занять позицию у окна. Оттуда можно было наблюдать за ним, оставаясь незаметным.

Главное — не выдать себя раньше времени.

Я продолжал идти обычным шагом, хотя внутри всё уже стремилось ускориться. Приходилось сознательно сдерживаться, контролировать темп, чтобы не вызвать подозрения.

Поворот, казалось, отодвигался. Секунды тянулись дольше обычного.

Наконец я дошёл до него, быстро свернул и, не оглядываясь, направился к первому попавшемуся подъезду.

Времени, по моим ощущениям, было немного — секунд пятнадцать, не больше.

Я быстро зашёл внутрь, поднялся на второй этаж и встал у окна так, чтобы самому оставаться в тени, но видеть улицу.

Место оказалось удобным: угол дома, из-за которого должен был появиться преследователь, был виден как на ладони.

Я замер и стал ждать.

Через несколько секунд показался силуэт, а затем появил-

ся и сам человек — тот самый мужчина.

Он вышел из-за угла осторожно, словно ожидая подвоха. Сначала огляделся по сторонам, затем сделал несколько шагов вперёд.

Я видел, как в его движениях появилась растерянность. Он продолжал идти, но уже менее уверенно, пытаясь понять, куда я мог деться.

Справа оставался ещё один угол, за которым я теоретически мог скрыться. Он бросил туда быстрый взгляд, замедлил шаг, словно колеблясь.

Пусто.

В этот момент его поведение изменилось. Он начал нервничать. Стало видно, что ситуация выходит из-под его контроля.

Если меня нет ни впереди, ни сбоку — значит, я исчез.

Он на секунду замер, затем резко принял решение и, сорвавшись с места, побежал вперёд по тропе, очевидно решив, что я ушёл именно туда.

Я проводил его взглядом.

Теперь сомнений не осталось: он действительно следил за мной.

И, к моему собственному удивлению, это вызывало во мне не столько страх, сколько возбуждение. Ситуация казалась опасной, но в то же время притягательной — как будто я оказался внутри чужого сценария, в котором мне неожиданно досталась главная роль.

Хотелось кому-нибудь об этом рассказать.

Я спустился вниз. Навстречу мне шёл один из местных.

Я попытался объяснить ему, что только что произошло, но слова путались. Получались обрывки фраз, бессвязные объяснения. Я сам слышал, как это звучит со стороны, и быстро потерял терпение.

Он меня так и не понял.

Я махнул рукой, улыбнулся и пошёл дальше — в ту сторону, куда убежал мой преследователь.

Глава 4. Стычки с ментами

А потом всё изменилось — стало гораздо серьезнее.

События начали развиваться стремительно.

Дома стали происходить странные, надуманные обыски. Полицейские приходили без внятных причин, копались в вещах, вынюхивали, придирались к мелочам. Атмосфера заметно потяжелела: исчез смех, пропала лёгкость, ушло ощущение игры.

Иногда находили формальный повод — якобы незаконная торговля спиртом. Отчасти это было правдой. После первой войны в Чечне мы выживали как могли. Мы, беженцы, часто просто голодали. Бывали дни, когда не ели вовсе, а когда дома появлялся чай, это уже было событием. Родители тянули нас изо всех сил.

Местные власти, как мне казалось, всё понимали. Тоже люди: знали, кто мы и откуда. Где-то внутри у них, вероятно, было и понимание, и сочувствие. Долгое время они закры-

вали глаза. По-своему, по-человечески.

Но теперь смотрели иначе, и было ясно: дело не в спирте и не в мелких нарушениях — их интересовало нечто другое, о чём пока не говорили вслух.

Вскоре меня закрыли на трое суток. Повод оказался формальный — будто бы я пытался выломать чью-то дверь. Ни свидетелей, ни доказательств: какое-то левое заявление, подпись — и изолятор.

Перед тем как завести меня в камеру, в приёмной СИЗО я увидел Серика. Мы были знакомы — не друзья, но и не чужие. Его присутствие обычно смягчало обстановку: я знал, что при необходимости могу к нему обратиться. Это было не первое моё задержание, и в прошлый раз, он тоже находился здесь. Тогда формально я «сидел сутки», но благодаря нашим отношениям дверь могли даже не запирать — просто прикрывали. Я заходил к нему, мы пили чай, спокойно общались.

Теперь всё было иначе: он держался холодно. Я ещё не понимал почему.

Поскольку это важно для всей истории, стоит вернуться к нашему знакомству.

К тому времени уже больше года я жил в деревне — примерно в тридцати километрах от города. Две улицы, немного домов. Со временем она стала тесной. И я начал выбирать-ся в город — тайком от родителей: уезжал вечером, возвращался под утро, всё на попутках.

Город у нас считался опасным. Его боялись, ходили истории, будто там могут снять куртку или шапку прямо на улице. Таких рассказов я наслушался достаточно — и всё равно ездил.

Однажды, после очередного веселого вечера с моим другом Костей, я шёл домой. Со мной были две девушки. Навстречу двигалась шумная, дерзкая компания. Я сразу представил худший вариант: «те самые». Лезу в карман, достаю перочинный нож, раскрываю, сжимаю в кулаке, и, спрятав руку, иду навстречу.

Но чем ближе мы сходились, тем яснее становилось — это не гопники. Это патруль, полицейские.

Они, ничего не объясняя, начали меня обыскивать. Я запаниковал: в ладони был раскрытый нож, который я попытался скрыть. Карманы проверили — ничего не нашли. И тут один из них заметил:

— А это что у тебя в руке?

Он увидел нож.

Меня беспокоил не сам нож — я понимал, что сейчас меня заберут, и я не попаду домой. А если не попаду — отец узнает, и последствия будут серьёзные. Мне было около семнадцати, и я прекрасно понимал, чем это закончится. Я начал уговаривать — безрезультатно. Тогда перешёл к угрозам.

Когда стало ясно, что меня всё-таки повезут в отдел, я в отчаянии сказал одному из них:

— Если не отпустишь, я тебя в гражданке поймаю и набью тебе морду.

Запомнил только одно: у него была ярко выраженная родинка над губой — такую невозможно перепутать.

Меня увели, обыскали, но в итоге отпустили — отделался испугом. А вот обещание осталось и долго жило во мне. Позже, когда я переехал в этот город, постоянно выискивал эту родинку среди патрульных: меня изнутри жгло — слово дано, а не исполнено. В голове словно шёл суд, перед которым я оправдывался: «я не знаю, кто это был, помню только родинку». Но легче не становилось: обещал — значит, должен выполнить.

Однажды я шёл из больницы: за час до этого мне сняли гипс, а на следующий день должны были наложить новый. Большой палец правой руки был сломан в двух местах — получил травму примерно за неделю до того, тоже в драке, с ментами: у них был профессиональный праздник, а у меня — день рождения, так и пересеклись.

Я шёл по тротуару между шестым и одиннадцатым микрорайонами. Было солнечной спокойно. Обгоняю одного парня и боковым зрением замечаю родинку. Ту самую. В том же месте.

Сердце остановилось.

— Ты мент? — спросил я.

— Да, — ответил он.

— Помнишь года два назад, ты меня задержал? Там, на

тропинке?

— Помню.

— Помнишь, я сказал, что если встречу тебя в гражданке, набью тебе морду?

Он усмехнулся:

— И что?

Я показал руку:

— Видишь? Пока не могу. Но когда заживет — найду тебя. Слово сдержу.

Он ответил:

— Если бы не твоя рука, я бы тебе сейчас сам врезал.

Это была ошибка. Он бросил вызов моему внутреннему чеченцу. Не важно — сломанная рука или нет. Я не мог уйти.

Мы сошлись один на один. Правая рука — сломана, левая — слабее. Но он не знал, что у меня хорошо поставлены ноги: с детства — каратэ, кикбоксинг. В этот раз он проиграл.

Однако Серик оказался упрямым: характер у него был сильнее, чем боевая техника. Он решил взять реванш.

Летом в парке проходили дискотеки и патрули там дежурили постоянно. Он знал, что я появлюсь, — и подкараулил. Подошёл с коллегами, сказал, что хочет разобраться со мной один на один — без посторонних. Мы отошли к реке.

На этот раз он сделал ставку на ближнюю дистанцию и в какой-то момент схватил меня за причинное место с такой силой, будто хотел раздавить. Я рухнул и он оказался сверху. Моя левая рука была прижата, правая после перелома не

работала — я не мог ни ударить, ни оттолкнуть его.

Боль была такой, какой я никогда не испытывал. Секунды растягивались. Он не отпускал. Сначала я ругался, потом начал просить, затем — умолять. Пот прошёл по всему телу, следом пришёл ужас, потом — слёзы. Я кричал, будто меня зажали в тисках, и понимал: ещё немного — и я сломаюсь.

Пот прошёл по всему телу, ужас, потом слёзы. Я кричал, будто меня зажали в тисках, и понимал: ещё немного — и я сломаюсь.

В заднем кармане был нож.левой рукой, почти не двигаясь, я дотянулся до него, достал, раскрыл. Он заметил — и резко отскочил.

Я стоял весь в слезах. Подошёл Кайрат — местный парень из одной группировки: услышал крик — и этого оказалось достаточно. Он увидел меня слабым, униженным. После этого простить Серика я уже не мог: теперь это была не только боль — это был стыд.

Меня накрыло. Я был готов убить его.

Подбежали патрульные, позволив Серiku спокойно уйти. Меня удерживали. Я кричал, что убью его, что он едва меня не покалечил, что так не поступают. Но на самом деле я горел от стыда — за эти слёзы.

Тогда подошёл их командир — настоящий, с характером. Он взял разговор на себя и предложил сделку: если я оставляю Серика, он будет помогать мне в сложных ситуациях. Слово он сдержал — не раз вытаскивал меня.

Это было разумное решение. Выбора, по сути, не было: передо мной были всё те же полицейские, хоть и в гражданке.

Мы пожали руки. Так начались наши с Сериком отношения — почти дружеские.

И вот теперь я стою перед ним в подвале полиции и говорю, что дело сфабриковано. А внутри — странное чувство: не страх и не паника, скорее любопытство — «вот это поворот, вот это сюжет». Где-то даже есть азарт: пацанская романтика, ощущение, будто камера — часть сценария, в котором мне досталась главная роль.

И только спустя годы я понял: уже тогда всё кричало — остановись. Что-то шло не так. Но во мне ещё жил этот бешеный юношеский огонь — безрассудство, при котором искренне не веришь, что с тобой может случиться что-то по-настоящему серьёзное.

Я жил как главный герой, который всегда выходил сухим из воды.

Глава 5. Неизбежность

Прошло немного времени, и постепенно стало казаться, что всё утихло.

Но однажды к отцу пришёл друг Али Далнаев.

Сказал он коротко, без лишних объяснений, но с такой тревогой в голосе, что стало понятно: дело серьёзное.

— Его хотят закрыть. Пусть уезжает.

Семью Далнаевых у нас в городе уважали. Что бы ни случилось — горе или свадьба — Али, почти всегда оказывался

среди первых. Помогал, договаривался, поддерживал. На их семье будто лежала негласная обязанность поддержать связь между людьми, сглаживать острые углы.

Сам Али был человеком особого склада: предприимчивым, дальновидным, умеющим находить общий язык и с простыми людьми, и с теми, от кого многое зависело. Нас, молодых, он выручал не раз. Иногда явно себе в ущерб. Просто потому, что считал это правильным.

Кто-то из полиции передал ему, что мной собираются заняться всерьёз.

Я не стал ни о чём расспрашивать.

Просто уехал в область, в Кустанай.

Залёг на время: не высовывался, никуда особо не ходил, старался вообще не привлекать к себе внимания. Через пару недель внутри даже начало появляться ощущение, что опасность прошла стороной и всё постепенно возвращается на свои места. Я вернулся домой.

И почти сразу всё закрутилось снова.

Сначала забрали моего земляка Руслана Беспалого. За что именно уже не помню.

Потом пришла и моя очередь.

Я шёл к Руслану с передачей: булочками, сигаретами, водой — обычным набором для человека в камере.

Захожу в участок, а навстречу выходит мой сосед-полицейский. Наш знакомый. Почти свой человек.

Он даже остановился от неожиданности:

— О, Беслан! Ты что здесь делаешь?

Позже я узнал: в тот момент он как раз собирался ехать, чтобы арестовать меня.

А тут я сам пришёл. С пакетами.

— Да так, передачу принёс, — отвечаю спокойно.

Он улыбается:

— Передачу... Ну конечно. Сам и передашь. Мы же свои люди, Беслан.

И я почему-то даже не настораживаюсь.

Иду рядом с ним по коридору, спокойно спускаюсь в подвал, туда, где сидят задержанные. Я иду спокойно, даже с каким-то внутренним достоинством, как будто мне доверили важную миссию.

Открывается дверь. Я захожу внутрь. Он остается за мной. Дверь закрывается. Щелчок замка.

Я оборачиваюсь. Он смотрит на меня спокойно и говорит:

— Всё. Оставайся.

И только в этот момент до меня начинает доходить, что произошло.

Я стою с двумя пакетами в руках. Меня даже не пришлось искать. Не пришлось догонять, задерживать, ломать дверь. Я пришёл сам.

И в голове одна фраза:

«Ну, Беслан... поздравляю! Ты сам себя арестовал. И ещё с пайком».

Глава 6. День первый. ИВС

Меня заводят в камеру.

С оглушительным лязгом железа и сухим щелчком тяжёлая дверь захлопывается за спиной.

Не зря этот момент так любят показывать в фильмах и описывать в книгах. Есть в нём что-то окончательное.

Будто прежняя жизнь сама вышвыривает тебя за пределы привычного мира.

И даже если однажды ты вернёшься обратно — прежним уже не будешь.

Этот звук двери словно фиксирует внутри новую реальность. Проводит границу между тем, что было «до», и тем, что начинается «сейчас».

Темно.

Из глубины камеры доносится гул голосов. Тусклая лампа едва выхватывает лица из полумрака.

И вдруг:

— О, Беслан? Это ты? Заходи.

Видимо, сажают всех подряд — в камере уже сидят знакомые. И это неожиданно успокаивает.

Любое новое пространство сначала бьёт по нервам, но когда тебя знают — напряжение сразу спадает. Значит, всё не так страшно. Значит, можно выдохнуть.

В камере человек десять.

Первое, о чём я подумал, когда увидел всю эту толпу:

«Интересно, как вы тут вообще спите?».

Потом понял — по очереди. Кроватей не было. Только

широкая деревянная нара — грубо сколоченный настил метра два на три.

Меня сразу начинают расспрашивать, как я сюда попал.

И я почему-то рассказываю обо всём почти с удовольствием.

Странное ощущение: мне совсем не нравится быть обвиняемым в убийстве, но здесь, среди людей за решёткой, эта история вдруг начинает звучать почти как что-то значительное.

Забавно, как одна и та же история начинает восприниматься иначе, когда ты уже не снаружи, а внутри всего этого.

Ещё вчера ты чувствовал себя жертвой обстоятельств, а здесь вдруг превращаешься в человека, которого все слушают с интересом.

Если бы в книге были эмодзи, здесь, наверное, стояли бы те самые смеющиеся жёлтые рожицы.

Остальные поддакивают, переглядываются, делятся слухами.

Объясняют, что дело серьёзное, убийство двух полицейских поставило на уши весь город. Назарбаев, якобы, взял расследование под личный контроль.

Они подключили следователей из области и даже из столицы. Для системы это уже не просто преступление — это вызов.

Но тогда я ещё не понимал одной важной вещи: в таких местах нельзя терять бдительность ни на минуту.

Позже я узнаю, что почти в каждой камере, рядом со мной оказывался один-два «особиста» — подставных заключённых, работавших на оперативников.

Обычно их присылали из Житикоринской зоны, которая находилась недалеко от города. Их задача была простой: втереться в доверие и вытянуть информацию.

Они быстро шли на контакт, старались выглядеть «своими», разговаривали правильно, знали нужные слова, понимали тюремные правила.

А я... сам облегчал им работу. Во мне тогда было слишком много любопытства и какого-то внутреннего куража. Меня затягивал этот новый мир. Мне хотелось понять, как здесь всё устроено.

Кто такие «красные», кто такие «чёрные», что значит жить «по понятиям», кто такой «положенец». Раз уж я оказался внутри этой системы, мне не хотелось оставаться в стороне или выглядеть потеряннным.

Даже здесь я пытался утвердиться. Наверное, поэтому я и сблизился с некоторыми из этих «особистов».

Они вытягивали из меня информацию а я, в свою очередь, вытягивал что-то из них. Им нужно было понять, причастен ли я к убийству. А мне — нужно было не быть никем.

В какой-то момент кто-то из камеры говорит:

— Слушай, тебя снаружи зовут.

Я подхожу к железной двери, прислушиваюсь. Точно. Кричат моё имя. И голос я узнаю сразу. Умар.

Мой самый близкий друг.

Я кричу по-чеченски:

— Эй, старый, ты как сюда попал?

Он смеётся:

— Без понятия. Видимо, так же, как и ты.

Потом спрашивает:

— Ты хоть понимаешь, что вообще происходит?

Мне тогда казалось, что понимаю. Но понимал я всё совершенно неправильно. Я думал, что им просто нужно быстро закрыть дело и на кого-то его повесить. И что мы — самые удобные кандидаты.

Эту мысль я пока оставляю при себе.

Потом подключается ещё один голос. Земляк. Потом ещё.

Оказывается, нас здесь много — просто раскидали по разным камерам.

Мы перекрикиваемся через стены, перебрасываемся шутками, вопросами, обрывками новостей. И в этом есть странное чувство поддержки.

Но где-то глубоко внутри всё равно тянет холодом.

Постепенно приходит ощущение, что это уже не обычное задержание. Это воронка. И она затягивает всё глубже. Без дна.

И всё же голос Умара придаёт мне сил. Он был именно тем другом, которого я когда-то искал всю жизнь. После двух тяжёлых предательств именно он стал для меня настоящим братом. С ним рядом не было страшно. С ним рядом да-

же тюрьма воспринималась иначе. Он был смелым, дерзким, преданным до конца.

Иногда достаточно просто слышать голос такого человека за стеной, чтобы снова почувствовать почву под ногами.

Даже в этом месте.

Даже в такой ситуации.

Потому что рядом с такими людьми любая битва переносится легче.

Глава 7. Апти и Юша

За полгода до этого.

Не знаю, получится ли у меня объяснить это так, чтобы читатель действительно почувствовал, о чём я говорю, но попробую объяснить образно. В любой компании всегда найдется человек, который первым берёт шампуры, раздувает угли и начинает жарить мясо. Его никто не просит — он просто делает это. Для него это естественно.

Вот и я среди своих был примерно таким же человеком — только не у мангала, а среди людей.

Мне всегда казалось совершенно естественным встречать земляков, приезжавших в Житигору, узнавать как они устроились, что им нужно, чем можно помочь. Не ради благодарности, не ради уважения или авторитета — просто иначе я не могу.

Наверное, именно это и вызывает уважение. И, возможно, поэтому даже те, кто был сильнее меня физически, харизматичнее или опытнее, в каких-то вопросах всё равно прислу-

шивались именно ко мне.

Со временем я понял: уважение рождается не из страха и не из силы. Оно рождается из того, что человек делает даже тогда, когда за это никто не похвалит.

И вот в город приезжают Юша и Апти.

С Апти мы никогда особенно близко не общались. Я помнил его ещё с детства, но во взрослой жизни наши дороги почти не пересекались. И всё же, когда он оказался рядом, я автоматически принял на себя привычную роль: встретил, показал город, объяснил, что здесь и как устроено, помог войти в эту новую для него жизнь.

Но довольно быстро всё изменилось.

С ребятами, за которых я чувствовал ответственность, я никогда полностью не расслаблялся. Я был старше — пусть всего на год, но всё же старше, а значит обязан был держать планку, быть примером, следить за собой.

С Юшей и Апти я впервые за долгое время почувствовал, что могу выдохнуть. Они были старше меня, и в их компании я словно получал право перестать всё время быть «главным».

Именно тогда я начал выпивать. Сначала редко, потом всё чаще. В какой-то момент алкоголь стал для меня способом ненадолго вырваться из собственного внутреннего напряжения.

Именно тогда я впервые по-настоящему увидел себя со стороны. И увиденное меня ужаснуло.

Когда я пил, во мне просыпался отвратительный человек. Мне хватало совсем немного — и я уже шёл по улице, вглядываясь в прохожих, в лица, в жесты, словно искал повод зацепиться.

Любая мелочь могла превратиться у меня в конфликт. Я сам находил обиду, сам её раздувал, сам разжигал.

Апти иногда смеялся:

— Хочешь проблем — выпей с Бесланом.

А потом уже вполне серьёзно жаловался, что костяшки на пальцах перестали нормально заживать — настолько часто ему приходилось драться вместе со мной.

При этом сам Апти пить особенно не любил, но если уж компания собиралась — был рядом. И если начиналась драка, он никогда не отходил в сторону.

Апти был настоящим бойцом: спокойным, немногословным, тяжёлым, как бетонная плита. В нём не было лишней суеты и, если он вставал напротив кого-то — назад уже не отступал. Иногда мне казалось, что он вообще никогда никому не проигрывал.

И, если честно, я этим пользовался. Пользовался его силой, его верностью, его самым ощущением, что рядом есть человек, который не дрогнет.

Рядом с ним я наконец позволял себе быть не старшим, не ответственным, не собранным, а просто слабым. Пусть даже в такой пьяной, уродливой форме.

Мы почти каждый вечер выходили на улицу. И почти каж-

дый вечер всё заканчивалось дракой.

Именно в один из таких вечеров случилась история, отголоски которой потом ещё долго не отпускали меня.

В тот день я, как обычно, выпил. Мы крутились возле центральной площади, недалеко от дискотеки. В руках у меня была бутылка пива. То ли я неудачно поставил её на бордюр, то ли она просто выскользнула из рук — сейчас уже не помню. Главное, что всё произошло случайно.

Позади стоял патруль.

Казахские полицейские что-то крикнули мне вслед. И дело было даже не в словах, а в тоне.

Не обычное замечание, а что-то унижительное, с таким презрением, будто перед ними не человек, а последнее быдло.

Меня это включило моментально.

Даже трезвым я бы с трудом такое проглотил. А тогда — тем более.

Я подошёл.

— Почему ты так со мной разговариваешь? — спросил я.
— Что за тон?

Слово за слово — и началась перепалка, потом толкотня. В какой-то момент подошёл ещё один молодой полицейский. Как позже выяснилось, он меня тогда ещё не знал.

Видимо, решил показать характер.

Он резко схватил меня, а я — совершенно бездумно, — бросил его на прогиб.

Слишком жёстко.

Он рухнул, и я до сих пор помню этот звук — не киношный, а настоящий тяжёлый хруст удара об бетон.

И всё вокруг будто замерло.

Мы стояли над ним и ждали — поднимется или нет.

Очнётся или нет.

А у меня в голове уже неслись совсем другие мысли:

«Если шея или позвоночник... если он сейчас вообще не встанет?»

Он лежал неподвижно.

Прохожие начали останавливаться. Кто-то окликал меня по имени, будто пытался привести в чувство.

Но я уже и так протрезвел. Мгновенно. Внутри — пустота. Я понимал: это уже статья. Без вариантов. Если не сейчас, то завтра.

Наконец он пошевелился и медленно поднялся.

Его начали осматривать, проверять, нет ли переломов.

Обошлось. Сильный удар, потрясение.

Впрочем, не только у него одного.

Я стоял молча. Не оправдывался, не спорил.

А он уже доставал папку с бумагами.

Всё было готово: оформить, зафиксировать, запустить дело.

И в тот момент я понял — решать нужно здесь и прямо сейчас.

Каким-то внутренним чутьём я уже знал, как с ним гово-

ритель.

Местные полицейские по характеру мало отличались от братвы. У них тоже были свои понятия о чести и достоинстве, о мужском поведении, о том, что заслуживает уважения, а что — нет.

Да, они носили форму, но при этом оставались людьми со своим кодексом.

И я понимал: бить нужно не в жалость и не в оправдания. Нужно бить в чувство собственного достоинства.

Благо, говорить по понятиям я умел.

Я отвёл его чуть в сторону и сказал прямо:

— Я виноват. Всё понимаю. У тебя сейчас есть полное право посадить меня. Я не спорю.

А потом, помолчал и добавил:

— Только ответь честно: тебе это что даст? То, что уже произошло, всё равно никуда не денется. Если ты меня закроешь — почувствуешь себя лучше?

Я видел, как внутри него начинается внутренняя борьба.

Он слушал не только меня — он слушал самого себя.

В нём включился не полицейский, а мужчина.

Я сделал его выбор слишком очевидным.

Если он заведёт дело — он опустится в моих глазах, в глазах нормальных пацанов. Если отпустит — сохранит достоинство.

Выбор был непростой, но очевидный.

Остальное оставляю за кадром.

Скажу только одно: дело он тогда заводить не стал.

Так меня в очередной раз пронесло мимо тюрьмы.

А потом уже, когда я действительно оказался за решёткой, весь этот шлейф старых историй снова всплыл.

Четыре, может, пять подобных эпизодов.

Я не был убийцей. Но тот, кто может устроить потасовку — даже с ментами, — меня знали хорошо.

Глава 8. А как бился Умар

Чтобы по-настоящему объяснить, как бился Умар, мне нужно рассказать один случай. Он тогда поразил меня настолько, что даже сейчас, спустя годы, стоит только вспомнить — и по коже бегут мурашки.

Как-то вечером я шёл к Дворцу культуры со стороны шестого микрорайона. Ещё издавелека заметил возле клуба движение: толпа, суета, возбуждённые голоса. Когда подошёл ближе, стало ясно — сам кипиш уже закончился, но напряжение всё ещё висело в воздухе, как после грозы. Люди переговаривались, размахивали руками, показывали, кто где стоял и что произошло.

Стоило мне войти в толпу, как ко мне сразу подскочили знакомые.

— Ты только послушай, что здесь было! — заговорили они наперебой. — Ты не поверишь!

И начали рассказывать.

В городе была одна компания — трое местных парней. Крепкие, серьёзные. Один — настоящий боксер, с постав-

ленным ударом и хорошей школой. Двое других — братья, жёсткие, характерные, из тех, кто никогда не даёт заднюю. Но на дискотеках они появлялись редко, и, судя по всему, ни Умара, ни вообще чеченцев толком никто не знал.

С чего именно всё началось — уже неважно. То ли кто-то не так посмотрел, то ли сказал лишнее слово. Но когда конфликт возникал рядом с Умаром, это уже был не обычный спор. Это было похоже на момент, когда кто-то подносит огонь к взрывчатке.

Трое против одного.

Толпа вокруг сразу напряглась. Люди начали расступаться: одни ждали зрелища, другие уже готовились броситься разнимать. А Умар даже не изменился в лице. Ни колебаний, ни попытки что-то обсудить. Он не мерил противников взглядом и не тратил время на разговоры.

Он просто начал действовать.

Первому — боксёру — Умар мгновенно проходит в ноги. Захват, рывок, и тот уже теряет опору. Пока парень ещё падает, Умар с ходу добавляет ногой в челюсть — резко, точно, без замаха. Всё. Первый выключился ещё до того, как окончательно рухнул на асфальт.

Второй, один из братьев, только успевает шагнуть вперёд, но Умар будто заранее чувствует движение. Разворачивается и с ходу бьёт его кулаком прямо в голову. Глухой хруст. Тот гаснет почти сразу.

Третий отскакивает назад, пытаясь понять, что вообще

произошло, но времени ему уже не остаётся. Умар подхватывает его на прогиб, поднимает и с такой силой вбивает спиной в асфальт, что звук разносится по всей площади — тяжёлый, глухой, будто с крыши сбросили мешок цемента.

И всё.

Несколько секунд и трое уже лежат. Никто из них даже толком не успел вступить в драку. Их поднимали, приводили в чувство, куда-то оттаскивали, а сам бой закончился почти мгновенно. Хотя это даже боем назвать трудно. Скорее — вспышка силы, после которой люди ещё долго не могут прийти в себя.

Толпа вокруг буквально взорвалась. Кто-то хлопал Умара по плечам, кто-то пытался обнять, кто-то стоял с открытым ртом, не веря, что увидел такое собственными глазами. Даже воздух в тот момент будто изменился — стал плотнее, тяжелее, наполненный одновременно страхом, восхищением и каким-то первобытным восторгом.

А я стоял среди этой толпы и думал только об одном:

«Вот это — чеченец. Вот это — мой друг Умар».

Глава 9. Липовое дело

Пока я втягивался в этот новый мир, разбирался в тюремном жаргоне, пытался понять, кто есть кто и по каким правилам всё устроено, — начались допросы.

Постепенно. Без спешки. Пока всё ещё оставалось на местном уровне.

Следователь вызывал снова и снова меня.

И очень быстро стало понятно: дело не расследуют — его просто лепят. Они подгоняли факты под одну задачу — удержать меня в ИВС как можно дольше.

Появился и «адвокат».

Мужчина средних лет, спокойный, уверенный. Сказал, что его наняли родители. Представляется моим защитником.

У меня тогда не было ни опыта, ни понимания, как всё это работает. Не было даже возможности что-то проверить.

Полная изоляция — физическая, информационная, психологическая. Изолятор в самом прямом смысле этого слова.

На одном из допросов привели потерпевшего.

Сначала я его не узнал. Но потом — по глазам, по интонации, по обрывкам фраз — вспомнил.

Это был тот самый мужик, алкоголик, у которого когда-то, по слухам оказался телевизор моей старой знакомой.

Тогда она пришла ко мне и сказала, что у неё пропал новый телевизор, который купила мать. Подозрения вели к этой квартире и к компании пьющих соседей этажом ниже.

Мы пришли поговорить. Да, разговор был жёсткий. Да, немного придавили психологически. Но никто никого не бил. Обычная пацанская встряска — и всё.

С того момента прошёл почти год. Ни заявлений, ни претензий, ни обвинений. История давно умерла.

Но теперь её вытащили наружу.

Я сразу понял: они уже выбрали меня и теперь искали, чем это подкрепить.

И первым делом они уцепились за пистолет.

До сих пор этот момент сидит у меня в памяти особенно чётко, потому что именно вокруг пистолета всё тогда и закручивалось.

Да, у меня действительно был пистолет.

Только это был не боевой ствол, а муляж. Снаружи — почти не отличить от настоящего. Внутри — пустышка. Игрушка.

Я носил его с собой ради понтов. Чтобы производить впечатление.

Чтобы выглядеть опаснее, чем был на самом деле. Дешёвая пацанская игра. И именно она потом стала для меня ловушкой.

Потерпевший сначала говорил честно:

— Да, пистолет был. Но я сразу понял, что он ненастоящий. Я бывший морпех, такие вещи вижу сразу.

И тут следователь его перебивает:

— Нет. Так не пойдёт, Пиши, что оружие было боевым.

Тот начинает возражать:

— Но я же видел...

— Убирай это из показаний, — резко обрывает следователь. — Пиши: угрожал настоящим оружием.

Я сидел молча и смотрел.

Даже не допрос — настоящая обработка. Давление. Навязывание нужной версии.

Им кровь из носу необходимо было сделать этот пистолет

боевым.

Чтобы я выглядел опасным.

Чтобы статья стала тяжелее.

Чтобы вся их конструкция обрела вес.

И я понимал: пистолет здесь — ключевой элемент.

Он объясняет, почему меня держат в ИВС, почему подняли такой шум и почему из меня пытаются слепить опасного преступника.

Потерпевший ещё пытался держаться.

Но было видно — с ним уже «работали». Синяки на лице. Потухший взгляд. Человек сидел напротив и буквально ломался у меня на глазах.

В кабинете нас было четверо: следователь, потерпевший, мой «адвокат» и я.

И этот адвокат молчал. Просто сидел и делал вид, будто ничего особенного не происходит.

Тогда я ещё не знал, что они со следователем приятели.

Он слышал всё. Слышал, как человека склоняют к ложным показаниям.

И молчал.

Я не выдержал:

— Почему ты молчишь? Почему не вмешаешься?

Он даже глаз не поднял:

— Потом. На суде.

— Потом?! Сейчас человека ломают! Сейчас идёт фальсификация!

Он снова промолчал.

И вот тогда меня прорвало.

Сигарета выпала из пальцев. Я поднял её и со всей силы прижал к левой руке — между большим и указательным пальцем.

— Вот! — заорал я. — Вот этот ожог будет свидетелем! На суде покажу!

Держал до тех пор, пока кожа не начала гореть по-настоящему.

В тот момент я уже не чувствовал себя участником допроса. Всё происходящее превратилось в какой-то грязный спектакль.

Внутри проснулся зверь.

Я резко встал и пошёл к двери.

Никто даже не попытался меня остановить.

Вышел в коридор и сказал конвоиру:

— Уведи меня обратно в камеру.

Он заглянул в кабинет, не понимая, что там произошло, потом молча повёл меня назад.

И вот именно тогда — среди этой тишины, злости, бессилия и нарастающего ощущения безысходности — я впервые по-настоящему понял: всё очень серьёзно.

Но, внутри ещё жила надежда, что это как-то разрешится.

Хотя интуиция уже буквально орала:

- Это не игра.

Позже меня перевели в другую камеру.

И с первых секунд почувствовал разницу.

Будто шагнул глубже под воду.

В лицо ударило всё сразу: отчаяние, страх, злость, боль, бессилие.

Здесь уже почти не осталось той нервной суеты, которая бывает у случайно задержанных.

Здесь сидели люди, прошедшие этап.

Люди, которые уже что-то знали.

Кто-то смирился. Кто-то ещё пытался сопротивляться внутри себя. Но атмосфера была совсем другой.

Я зашёл уверенно. Без киношных пауз и осмотров. Поздоровался так, будто давно всех знаю, и сразу сел среди них.

— Чифир будешь? — спросил кто-то.

Слово я слышал, но что это такое на самом деле — не понимал.

Протягиваю руку:

— Беслан.

— Пекассо, — отвечает худой мужик с внимательными глазами. — А чифир — это очень крепкий чай. Большое количество заварки кипятят.

— А где вы его тут кипятите?

Он усмехнулся:

— Сейчас покажу.

И тут в камере началась суета.

Кто-то полез за чаем, кто-то — за целлофаном, кто-то за ещё чем-то.

Пекассо аккуратно распарывает край матраса и вытаскивает немного ваты.

— Сало осталось? — спрашивает.

Немного есть.

Он заворачивает вату в кусок сала и поясняет:

— В принципе, любой жир подойдёт.

Потом спрашивает:

— С тарой что?

— Только пакет.

— Смотри, чтобы не продувался.

А дальше я наблюдал почти магию.

В пакет налили воду, засыпали огромное количество заварки, подвесили всё это и подожгли снизу вату с жиром.

Я был уверен, что пакет сейчас расплавится. Но он не плавился. Вода внутри начала закипать.

Я смотрел как ребёнок на фокус:

— Почему целлофан не плавится?

Никто толком не объяснил. Только махнули рукой.

— Вода внутри не даёт.

Первый глоток чифира оказался мерзким.

Горечь. Терпкость. Всё внутри будто сводит.

Но сама важность этого ритуала заставляла пить дальше. Сокамерники относились к чифиру почти как к церемонии.

И вскоре меня начало буквально разрывать изнутри.

Сидеть спокойно невозможно. Энергия хлещет через край.

Мне срочно захотелось чем-то заняться.

— Есть чем рисовать? — спрашиваю.

Мне протягивают карандаш.

— Бумаги нет, — ухмыляются. — Зато есть стена.

Три стены были грубые, в цементных наростах. Но возле двери оставался большой белый участок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.